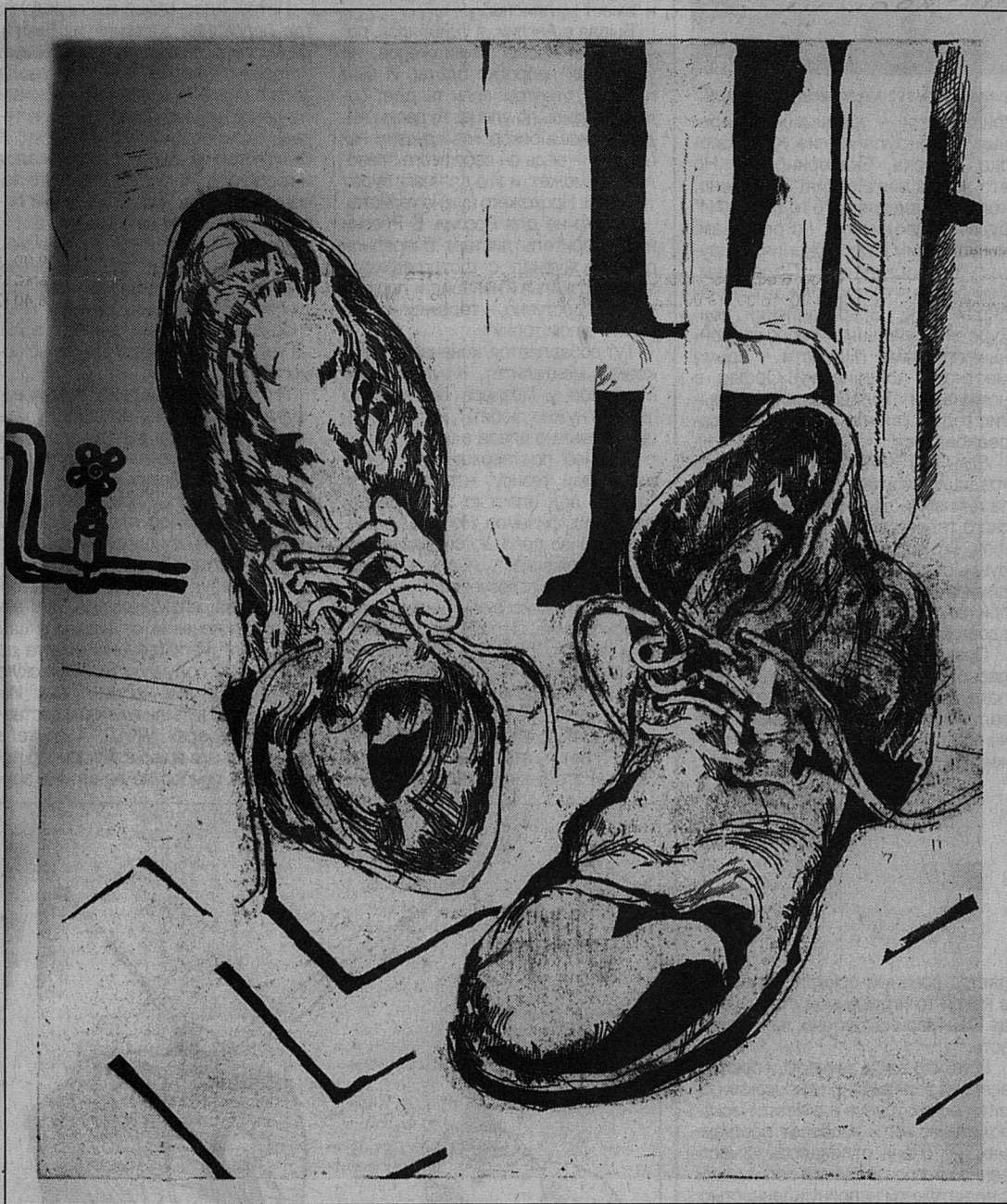

Кубатура. - 2001. - 1 - 14 нояб. - С. 7 Интелигент между Востоком и Западом

Максим Кантор в Третьяковской галерее

Максим Кантор является, кажется, единственным современным художником в России, чьи персональные выставки за короткое время были открыты в двух главных музеях Москвы. В 1997 году его живопись экспонировали в ГМИИ им. Пушкина, в Музее личных коллекций (художнику тогда было 40 лет); ныне свои залы ему предоставил крупнейший национальный музей — Третьяковская галерея. Такое одновременное признание "своим художником" сотрудниками музеев западного и национального искусства очень характерно для Максима Кантора: московский художник проводит в Европе едва ли не большую часть своего времени. Гравюры нового проекта, который сейчас показывается в ГТГ — "Пустырь. Атлас", — Кантор рисовал в Москве, а резал и печатал в Лондоне: "В России нет печатных мастерских такого класса, как там". Первыми проектом, посвященный целиком России, увидели немецкие зрители, посетившие его в Штедель Музеем во Франкфурте. Организаторы выставки сочли логичным поместить рядом с произведениями Кантора гравюры Гойи из серии "Капричос". Почти одновременно с немцами проект увидели португальцы. Гравюры отпечатаны тиражом 75 экзemplаров, большая часть тиража в настоящий момент уже находится в музейных и частных собраниях, в том числе в Британском музее (Лондон), Штедель Музеем (Франкфурт), библиотеке Ватикана, Художественном музее Милуоки (США).

Гравюры напечатаны с двух форм: первая форма изготовлена европейским способом офорта, процарапывания рисунка по медной пластине, вторая форма вырезана из дерева и символизирует собой азиатский способ нанесения краски. Таким образом, на каждом листе черный точный европейский рисунок продолжается и дополняется красными картинками. Чаще всего в красный цвет покрашены головы персонажей. В Москве наряду с семьюдесятью гравюрами выставлены живопись, а также текст. Именно так и заявлено в подзаголовке к выставке: "Живопись, графика, текст". Текст — это самое главное, — признается художник, — живопись и гравюры — лишь подготовка к нему". Избранный Кантором жанр письма позволяет ему, не изобретая сюжета, в свободной форме прямо сказать все, что он хочет. Текст — это шестьдесят страниц, семь писем, часть из которых адресована "Милому другу", жителю Европы, часть — "Любимой", живущей в Москве. Разговоры о дружбе и любви трансформируются в них в философские эссе о России и Европе, о Востоке и Западе, о трагедии жизни, одиночестве. "Трагедия интеллигента" — название одной из гравюр. "То, что один интеллигент не вполне понимает другого, это не трагедия — это комедия. Потому что понимать особенно нечего. Мысли, опыт, убеждения у обоих примерно одинаковые — разнятся амбиции. Поэт и толпа — это тоже комедия, противоречия между ними выдуманные. Трагическими поэты становятся тогда, когда принуждены делить судьбу толпы, той самой, которую всю жизнь презирали". В живописи и гравюрах Кантора поэт — угловатое неприкаянное существо, толпа — сборище ужасных, тупых и некрасивых. Экспрессивная манера Кантора не оставляет места для полутонов. Его ирония, гротеск превращают человеческие лица в белоглазые маски, разговор — в крик, любовь — в кровавую драму, а жалость — в смертельную тоску. Иное дело текст. В тексте звучит теп-

М.Кантор. "Мокрые ботинки и батарея"

лый, проникновенный голос автора: "Я люблю людей неторопливых, с твердыми чертами лица, а сегодня спокойное и ясное лицо встретишь редко. Есть лица прекрасные, как пейзажи Тосканы, светлые, как заливы Средиземного моря, но твердые и ясные, как пустырь, покрытый снегом, такие лица встречал редко".

"Пустырь", заявленный в названии выставки, — это наш с вами и Кантора город, Москва, а также вся Россия. Картины и гравюры — это атлас пустыря. Такой путеводитель с комментариями: "Пустырь не надо понимать и разгадывать, в него надо просто смотреть с той же тоскливой страстью, с какой пустырь глядит на тебя. Чем раньше ты поймешь, что вы с ним одно, тем правильнее. Потому что однажды ты сольешься с этим пустырем воедино".

Жизнь художника неотделима от его земли. Он и не "поэт", и не "толпа". Он называет себя диссидентом по отношению ко всему миру: "День, когда я смог сидеть в кругу парижских интеллектуалов, берлинских прогрессивных художников, лондонских гуманитариев, гарвардских профессоров и франкфуртских банкиров, день, которого я ждал всю жизнь, наступил слишком поздно — я уже успел стать русским. Я тянулся к избранным народам, старался, как мог, но яд России проник слишком глубоко в организм. Я глядел на берлинских мыслящих парней, непременно одетых в поношенное черное; на лондонских гуманитариев с косяком марихуаны в

одной руке и чаем с молоком в другой; на французских интеллектуалов, расставляющих по углам своих жилищ композиции из небрежно сложенных книг и морских раковин; я входил в их клубы и кафе, я слышал их призывы "to share ideas", и как же хотелось мне, дикарю, "обменяться идеями с ними, рожденными свободными".

Легко и безжалостно Кантор говорит о фигуре современного художника, связывая появление феномена авангарда с дехристианизацией Европы: "Вслед за признанием личной свободы как высшего достижения цивилизации, а демократической цивилизации — как высшего достижения истории следовало создать пригодные этому культу идола и капища. Художники сделали что-то вроде идолов — их значение было гиперболизировано, их персональные недостатки и особенности превратились в величественные черты туземных божков. Разумеется, никогда ранее европейское общество не обращалось так с художником — то есть не создавало культа творца. Это и невозможно было при наличии Творца высшего". Авангард в этом "письме" именуется "шестой колонной". "Когда обыватель, любящий полосками и клеточками, вопрошает: "Что же хотел сказать художник" — ответ крайне прост: "Ничего". Художник ничего не хотел сказать. Он самовыражался, что самоценно. Поскольку сам по себе, как человек, зачастую художник неинтересен — выразить ему нечего, кроме простых, стихийных на-

чал. Но этого и довольно. Художник перестал быть личностью в христианском значении этого слова, но стал кумиром".

Иное дело — фигуративное искусство: "Образ Христа знаменателен тем, что в нем идея воплотилась буквально, то есть абстракция обрела форму, нашла свое тело, более того — сделалась уязвимой, получила возможность страдать и привилегию испытывать боль... Именно так я представляю себе и художественный образ: это переливание чувств, идей и страстей в конкретное тело, в конкретное лицо, которое своей жизнью воплощало бы эти идеи и страсти. И оттого, что образ уязвим и оболочка его беззащитна, оттого, что человек, воплощающий идею, смертен, — вот именно от этого абстракция обретает силу и убедительность". В портретах Кантора, нарисованных им собаках, цветках аллоэ на подоконниках, опрокинутых пространствах белых простыней больничных коек и белого истоптанного снега "пустыря" есть та самая уязвимость, о которой он говорит в "письме". Они волнующе убедительны. И неумолимо страшны.

Дальнейший маршрут выставки пройдет по двенадцати музеям России (от Владивостока до Калининграда), а также по ряду известных музеев Европы и Америки, включая Британский музей (2002 г.) и Национальную галерею (Берлин, 2003 г.). Кантор — один из самых успешных художников России.

Елена ЗАЙЦЕВА